

Амели Нотомб

СЧАСТЛИВАЯ
НОСТАЛЬГИЯ

ПЕТРОНИЛЛА

Впервые на русском языке!

Азбука-бестселлер

Амели Нотомб

**Счастливая ностальгия.
Петронилла (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

2013, 2014

Нотомб А.

Счастливая ностальгия. Петронилла (сборник) / А. Нотомб — «Азбука-Аттикус», 2013, 2014 — (Азбука-бестселлер)

Впервые на русском – два новых романа Амели Нотомб. Порой мы подолгу гадаем, откуда в нас та или иная черта, отчего мы поступаем так или иначе. Ключи к разгадке лежат в детстве, раннем детстве. Его события ложатся на дальние полки подсознания и оттуда тайно управляют нашими поступками. Знаменитая французская писательница Амели Нотомб провела свое детство и юность за морями-океанами, в далекой Японии, где ее отец находился на дипломатической службе, и именно эта страна для нее навсегда определила вкус счастья. Тема новой книги Амели Нотомб «Счастливая ностальгия» – это путешествие в страну детства в поисках ответа на вопросы сегодняшнего дня. Писательство, как известно, дело одинокое, чреватое сомнениями и риском. Но когда удастся одержать победу, то оказывается важным, с кем ты ее разделишь, ведь в одиночестве радостные пузырьки самых изысканных марок шампанского быстро испаряются. В новом романе Амели Нотомб «Петронилла» героиня для таких моментов находит странного спутника, точнее, спутницу, и бокал коллекционного шампанского в ее обществе становится делом опасным, порой смертельно опасным...

© Нотомб А., 2013, 2014

© Азбука-Аттикус, 2013, 2014

Содержание

Счастливая ностальгия[1]	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Амели Нотомб

Счастливая ностальгия.

Петронилла (сборник)

Amélie Nothomb

LA NOSTALGIE HEUREUSE

Copyright © Editions Albin Michel, S.A. – Paris 2013

PÉTRONILLE

Copyright © Editions Albin Michel, S.A. – Paris 2014

© М. Брусовани, перевод, 2015

© А. Смирнова, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

* * *

Амели Нотомб – настоящая чародейка слова.

P. Матиньон. Le Figaro littéraire

Ощущение, близкое к счастью, – вот что чувствует читатель, перевернув последнюю страницу нового романа Амели Нотомб «Счастливая ностальгия».

Le Soir

Повествование, написанное без единой фальшивой ноты, где сорокачетырёхлетняя женщина смотрит на пятилетнюю девочку и юную девушку, которой она была когда-то. Удивительная, трогательная, мудрая Амели Нотомб «средствами языка» создала великолепную книгу о счастливой ностальгии.

Chatelaine

Счастливая ностальгия¹

Все, что мы любим, становится вымыслом.

Для меня первым из них стала Япония. Меня вырвали из нее в пятилетнем возрасте, и я принялась рассказывать себе о ней. Очень скоро меня начали смущать пробелы в моем повествовании. Что я могла поведать о стране, которую, как мне казалось, знаю и которая год за годом уходила из моего тела и моих мыслей?

Мне никогда не приходило в голову выдумать ее. Это произошло само. Никогда и мысли не было ни ввернуть ложь в правду, ни приукрасить ее фальшивыми драгоценностями. Пережитое оставляет в душе музыку – именно ее я и силюсь уловить в воспоминании. Смысл в том, чтобы записать ее звучание с помощью слов. Это предполагает перекраивание и подгонку. Мы отбрасываем лишнее, чтобы показать охватившее нас волнение.

* * *

Понадобилось связаться с Ринри, женихом, отвергнутым мною в двадцать лет. Я потеряла все его координаты, но не следует усматривать в этом злой умысел. Вот почему из своего парижского рабочего кабинета я позвонила в международную справочную:

– Здравствуйте. Мне нужен номер телефона в Токио, но я знаю только имя и фамилию.

– Назовите, – произнес человек, похоже не осознающий всей грандиозности моего вопроса: Токио с пригородами насчитывает двадцать шесть миллионов жителей.

– Фамилия Мицуно, имя Ринри.

Я диктую по буквам – неприятный момент, потому что я никогда не придерживалась классических образцов, вот я и говорю что-то вроде «М – как Македонский, Р – как Росинант» и ощущаю, что на том конце провода на меня сердятся.

– Минуточку, я поищу.

Я жду. Бешено колотится сердце. Быть может, через сорок секунд я буду говорить с Ринри, наверное, самым симпатичным парнем из тех, кого я знала.

– В Токио нет никого с такой фамилией, – снова включается голос в трубке.

– Простите, как? Вы хотите сказать, Ринри Мицуно нет?

– Нет. В Токио вообще нет Мицуно.

Мой собеседник не осознавал, но сказать такое было равносильно тому, чтобы утверждать, что в Париже вообще нет людей по фамилии Дюран. Редкое имя Ринри, вроде нашего Атаназы, компенсирует банальность фамилии.

– Как мне поступить?

– Подождите, я тут нашел номер, думаю, это японское справочное бюро.

Он продиктовал мне четырнадцать цифр. Я поблагодарила, разъединилась и набрала номер японской справочной службы.

– *Моси, моси,*² – сказал мне приятный женский голос.

Вот уже шестнадцать лет я не говорю на этом чудесном языке. И все же мне удалось спросить, не могла бы она найти мне телефон Мицуно Ринри. Она громко повторила имя. В ее голосе звучало вежливое удовольствие человека, впервые произносящего редчайшее слово. И попросила меня немного подождать.

---

¹ Перевод М. Брусовани

² Алло, алло! (*яп.*)

– Мицуно Ринри нет, – наконец сообщила она.

– Но есть другие Мицуно? – настаивала я.

– Нет. Извините.

– В Токио нет Мицуно?! – воскликнула я.

– В Токио есть. Но в ежегодном телефонном справочнике общины Такамацу, куда вы любезно позвонили, нет.

– Простите.

Отныне в тайнах вселенной появилась еще одна: почему служащий французского отделения международного справочного бюро, у которого я попросила телефон японской справочной службы, подсунил мне номер никому не известного ежегодника общины Такамацу, где оказалась любезная телефонистка?

Я опять позвонила в международную справочную и попала на другого служащего. В голову мне пришла блестящая мысль:

– Будьте любезны, я бы хотела получить телефон посольства Бельгии в Токио.

– Минуточку.

Он переключил меня на такой убогий мотивчик, что я не только не разозлилась, но даже как-то умилилась.

– Такого не существует.

– Простите, что?

Я уже не понимала, о чем мы говорим.

– В Токио нет посольства Бельгии, – сообщил он мне как нечто очевидное.

Таким же тоном он мог объявить, что в Монако нет консульства Азербайджана. Я поняла, насколько бесполезно говорить, что мой отец долгое время был послом Бельгии в Токио и что с тех пор прошло не слишком много времени. Я поблагодарила и повесила трубку.

Почему я пошла таким сложным путем, хотя все так просто? Я позвонила отцу, и он по памяти продиктовал мне телефон посольства Бельгии в Токио.

Я набрала номер и попросила соединить меня с мадемуазель Дат, мысленно подсчитав, что теперь ей должно быть лет пятьдесят. Для начала мы обменялись несколькими вежливыми фразами. Мадемуазель Дат – дочь бывшего посла Японии в Бельгии, в некотором роде мой негатив. В конце концов я рискнула расколоться:

– Помните ли вы, Дат-сан, того мальчика, который двадцать лет назад был моим, так сказать, женихом?

– Да, – насмешливым тоном ответила она, словно давая понять, что невозможно позабыть столь безнравственную выходку с моей стороны.

– Быть может, в картотеке посольства сохранились его координаты?

– Подождите минуточку, я поищу.

Я оценила, что она не сострила по поводу полной утраты мною его координат. Спустя пять минут Дат-сан сказала:

– В картотеке его уже нет. Но я вспомнила, что отец Ринри – глава ювелирного дома, и нашла их сайт в Интернете. Запишите телефон. Ваш... ваш друг стал его вице-президентом.

Я горячо поблагодарила и повесила трубку. Теперь мне понадобится мужество. Я решила не тянуть резину, а позвонить сразу.

Трубку сняла телефонистка. Я попросила соединить меня с Ринри Мицуно. Она вежливо возмутилась, словно я хотела поговорить с английской королевой.

– Понимаете, я звоню из Парижа, – промямлила я, не зная, каким богам молиться.

Сжалившись, она вздохнула и поинтересовалась, как меня представить.

– Амели, – сказала я.

Фирма Мицуно одарила меня чем-то вроде «Времен года»: можно было подумать, это протяжная японская песня для свадебного путешествия где-нибудь годов семидесятых.

Спустя пять минут знакомый голос уже восклицал на том конце провода.

– Не может быть! – произнес Ринри на безупречном французском.

– Какое счастье слышать тебя! – глупо вскрикнула я.

Именно это я и ощущала. Вот уже шестнадцать лет, как мы совсем не общались. Ринри был тот невероятно добрый мальчик, которого я повстречала двадцать три года назад; мои чувства к нему никогда не менялись: не любовь и не дружба, что-то вроде братской близости, чего я никогда не испытала бы, если бы не познакомилась с ним.

– Ты как? – горячо поинтересовался он.

– Отлично. А ты?

Никто еще с таким восторгом не обменивался банальностями. Я осознала, что боялась его реакции: пять лет назад я опубликовала роман «Токийская невеста»,³ где рассказала о наших отношениях. Разумеется, в книге был выведен очаровательный мальчик, каким он и был. И все же он мог на меня сердиться. «А может, он не в курсе», – подумала я. Это мне свойственно: когда я убеждаюсь, что кто-нибудь на меня не сердится, я тут же выдумываю какое-нибудь объяснение – столь глубинно мое чувство вины.

Можно подумать, Ринри читает мои мысли, потому что он сказал:

– Я прочел все твои книги!

– Правда?

– Да. И смотрю на «Ютубе» все твои телевизионные выступления!

Он выкрикивал свои признания с радостной горячностью, выдававшей его мнение: ясно, что мои книжонки и телевизионная болтовня представляются ему забавными. Уф, я легко отделалась. Ринри вроде моих родителей: он относится к той категории людей, которые смеются, стоит мне раскрыть рот. Я никогда не понимала подобного поведения, однако в нем что-то есть.

– Ринри, в конце марта я буду в Токио. Мы сможем повидаться?

– С удовольствием.

– Как я рада!

– Твой номер не определяется. Можешь дать мне его?

Я продиктовала ему свой телефон и предложила звонить так часто, как он захочет.

– Крепко целую тебя.

– Я тебя тоже.

Взволнованная, я повесила трубку. Я не ожидала, что все пройдет так хорошо.

Не теряя времени, я решила тут же позвонить Нисиё-сан, своей любимой воспитательнице; последний раз я разговаривала с ней семнадцать лет назад, на следующий день после землетрясения в Кобе. Задача казалась мне более простой: Нисиё-сан была моей няней, между нами никогда не возникало двусмысленных ситуаций. Правда, говорила она только по-японски, а я не использовала этот язык шестнадцать лет, но ведь только что я выкрутилась с милой девушкой из общины Такамацу, а также с секретаршей в фирме Мицуно.

Я решительно набрала номер той, кого в детстве любила как мать. Когда звонишь в Японию, даже гудки другие. Я размышляла над этим явлением, когда раздался молодой живой голос.

– Это Нисиё-сан? – спросила я.

– Да.

Должно быть, одна из ее дочерей. Это не могла быть моя семидесятидевятiletняя нянюшка. Для очистки совести я уточнила:

– Киоко, это вы?

– Да, это я.

---

³ В оригинале роман называется «Ni Eve, ni Adam» (2007), на русском языке опубликован как «Токийская невеста» в 2010-м. (Здесь и далее примеч. перев.)

Невероятно. Она сохранила тот же голос, которым разговаривала со мной, когда мне было четыре года. Мне хотелось сказать ей об этом, однако мои лингвистические средства оказались чересчур скудными.

– Ваш голос... невероятно! – тупо повторяла я.

– Кто вы? – озадаченно спросила Нисиё-сан.

– Амели-тян, – отвечала я.

Так она звала меня, когда я была крошкой: малышка Амели.

– Амели-тян! – произнесла она с такой нежностью, как если бы мне и вправду было четыре года.

– Вы помните?

– Конечно!

Слезы застилали глаза, говорить мне становилось все трудней.

– Амели-тян, откуда ты звонишь?

– Из Парижа.

– Откуда?

– Из Парижа, это во Франции.

– Что ты там делаешь? – спросила она меня, словно я совершила какую-то непостижимую глупость.

И я услышала, как в ответ произнесла этот ужас:

– Я стала известной писательницей.

– Вот оно что, – сказала Нисиё-сан.

Похоже, она решила, что я несу неизвестно что.

– Нисиё-сан, согласитесь ли вы сняться со мной для телевизионной программы?

Точнее, я хотела ее об этом попросить. Но говорила с ней на таком отвратительном ломаном языке, что она ответила:

– Ты хочешь посмотреть со мной телевизор? Ладно. Телевизор у меня есть, можешь прийти.

– Да. Нет. Я совсем позабыла японский. С вами хотят встретиться французские журналисты. Вы согласны?

– Ты тоже будешь?

– Да.

– Прекрасно. Когда ты придешь?

– В конце марта.

– Ладно. Как твои родители?

Она разговаривала со мной, как с тихой помешанной, принимающей себя за известного писателя, но неспособной правильно построить ни одной фразы.

Я повесила трубку и обхватила руками голову.

В следующие выходные я ужинала с родителями. Я собиралась рассказать им о предстоящей поездке в Японию и двух телефонных разговорах. Но когда настал момент, я не смогла выдать ни слова.

У меня такое часто бывает, особенно с близкими: хочу поделиться чем-то, что представляется мне важным, и не могу. Это не связано с моим физическим состоянием – голос я не теряю. Это имеет логическую основу. Меня одолевает вопрос: зачем это говорить? Не найдя ответа, я молчу.

Кстати, на ужин пришла моя сестра. Мне нравится разговаривать с ней. Но все равно ничего не вышло. Я утешала себя тем, что перед отъездом в Японию еще раз буду ужинать в их обществе. Вот тогда-то я и сообщу им новость.

* * *

Я не была в Стране восходящего солнца с декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года. Стоял февраль две тысячи двенадцатого. Отъезд назначен на двадцать седьмое марта.

Шестнадцать лет без Японии. Столько же, сколько между моими пятью и двадцатью одним годом, что казалось мне переходом через пустыню. Худшими были первые годы. В пять, в шесть лет я пряталась под столом, чтобы мне не мешали страдать. В полумраке в моем воображении вновь возникал сад, звучала музыка моего рая и прошлое становилось более реальным, чем настоящее. И я могла плакать с открытыми глазами, не отрывая взгляда от этого утраченного мира, который возвращала мне сила воображения. Обнаружив меня, родители спрашивали, в чем причина моей печали, и я отвечала: «Это ностальгия».

Уже гораздо позже я обнаружила, что на Западе ее презирают как вредоносное пассажистское понятие. Безжалостность диагноза не излечила меня. Я по-прежнему неисправимо ностальгирую.

Когда мне предложили сделать репортаж о моем японском детстве, я согласилась по одной простой причине: я была убеждена, что проект будет отвергнут телевизионным каналом. В том моем состоянии я ощущала, что стою меньше, чем ничего: никто за меня и гроша ломаного не даст.

Съемочная группа поразилась, что каналу «Франс-5» понадобилось три месяца на обдумывание ответа. Меня это не удивило: проект столь абсурден, что канал даже не возьмет на себя труд послать отказ – достаточно молчания, чтобы подчеркнуть бессмысленность затеи.

В январе группа уведомила меня, что «Франс-5» согласна. Это было как снег на голову. Значит, я и вправду снова поеду в Японию. Ошеломленная, я осознала, что такая возможность, хотя я никогда в нее не верила, приводит меня в восторг.

Шестнадцать лет без Японии. Я приближалась к цели. Несовершенный вид не годится: я у цели. Сегодня одиннадцатое марта, первая годовщина Фукусимы. Катастрофа потрясла меня до такой степени, что не описать. Когда случился этот ужас, я написала рассказ, восхваляющий японскую силу духа, и опубликовала его в пользу потерпевших. Капля в море, однако имевшая непредвиденные последствия: в Японии, где меня перестали печатать после романа «Страх и трепет», вновь начали переводить мои книги.

Через шестнадцать дней я лечу в Осаку. Стараюсь представить себе это. Напрасный труд: рассудок тотчас отказывает мне. Это слишком замечательно и не поддается постижению. Я понимаю, что мне необходимо спастись. От чего? От многих вещей, большая часть которых мне неведома. Знай я, что мне угрожает, была бы уже спасена.

Спасение связано с самой невероятной загадкой. Двадцать первого декабря две тысячи одиннадцатого года я получила в подарок бонсай потрясающего изящества. Я поселила его в своей квартире и нарекла Свифтом. Через две недели Свифт стал умирать. Я бросилась к цветочнице, объявившей себя специалисткой по этому виду растений. Та сказала:

– Ваш бонсай при смерти.

– Я знаю. Что бы вы мне посоветовали?

– Ничего.

– Но ведь можно же что-нибудь сделать?

– Против смерти?

– Он еще не умер. Пока он жив, есть надежда.

Она возвела глаза к небу:

– Подобная болтовня не для бонсаев. С самого детства он переживал такие муки, каких вы и представить себе не можете. Поймите, он не дорожит жизнью.

Я ушла, догадавшись, что пребывающая в депрессии цветочница приписывает свои психические отклонения растениям.

На улице я прошла мимо кинотеатра, где показывали «Хранителя времени» Скорсезе. Как раз начинался сеанс. Я купила билет и со Свифтом на руках встала в очередь перед дверьми в зал. Люди смотрели на меня и покачивали головами. Наконец я уселась на свое место. Свифт у меня на коленях, казалось, готов был испустить последний вздох. У меня едва хватало сил вообразить мучения, которым подвергали растение, чтобы заставить его превратиться в бонсай. Одна мысль о такого рода пытках красноречиво свидетельствует о нашем садизме.

Начался фильм. Первая часть показалась мне неинтересной, и я едва не уснула.

Спать в кино гораздо лучше, чем в постели: это сон наяву. Однако вторая часть фильма всерьез увлекла меня, и я очнулась от своих лунатических ощущений. Образ Мельеса примирил меня с освоением космического пространства, и я покинула зал, захлебываясь от восторга. Свифт в моих объятиях хранил сосредоточенное молчание.

Вернувшись домой, я поставила своего спутника рядом с кофеваркой и продолжала жить своей жизнью. Назавтра бонсай оклемался. Только он больше не бонсай. Телом он по-прежнему тщедушен, зато листья у него теперь большие, как у баобаба. Скорсезе снял с него заклятие мелкотравчатости.

* * *

Когда Ринри позвонил мне, голос у него уже был другой; он говорил сконфуженно:

– В тот день, когда ты мне позвонила, я был так счастлив, что не подумал.

– О чем?

– Та книга, которую ты обо мне написала, «Токийская невеста»...

– Она доставила какие-то неприятности?

– Давно ты ее написала?

– Пять лет назад.

– Ты уверена?

– Да.

– Я думал, гораздо раньше.

– Это что-то меняет?

– Меняет.

– А...

– Обнимаю тебя.

Я ничего не поняла из нашего разговора. Очевидно, ему стало легче. В книге «Токийская невеста» я рассказала правду о нем, о самом чудесном и милом мальчике во всем мире. Почему ему легче перенести мою похвалу, если она более отдалена по времени?

Внезапно я испугалась нашей встречи. Мне по-прежнему хотелось увидеть его, но стало как-то боязно.

Как у всех взрослых людей, у меня есть *бывшие*. Обычно я с ними не встречаюсь. Впрочем, в большинстве случаев сохраняю приятные воспоминания. Если мне случается видеть их, к удовольствию примешивается чувство смущения, которое я не могла бы выразить словами. Думаю, в этом я похожа на наше общество: не так уж оно невозмутимо, как хотелось бы.

Этот телефонный звонок меня тревожил. Однако я решила, что повидаться с Ринри будет здорово. Мне бы хотелось познакомиться с его женой. Может, он догадается.

Наша с ним история длилась два года: восемьдесят девятый и девяностый. Тогда мне казалось невероятным, что можно быть с кем-то так долго. Все утверждали, что мы вот-вот поженимся. К моему превеликому ужасу. В тот день, когда люди перестанут лезть в чужие дела, наступит счастье.

Я снова ужинала с родителями и сестрой. И случайно проговорила:

– Я еду в Японию.

Оцепенение. «Япония» в моей семье – слово сакральное.

– Я уезжаю двадцать седьмого марта и возвращаюсь шестого апреля. В переводе на японский только что вышел роман «Метафизика труб».

В сущности, не назови я этот повод, у меня было бы ощущение, что я сообщаю о предстоящей увеселительной поездке.

– И куда ты поедешь? – спросил отец.

– Я буду шесть дней в Кобе и три дня в Токио.

Я кратко рассказала о своих телефонных разговорах с Ринри и Нисийэ-сан. Все принялись радостно восклицать. Я почувствовала облегчение, как человек, исполнивший свой долг.

До сих пор моя идиллия с Японией была полной. Она включает такие необходимые для классического романа элементы, как чарующая встреча в раннем детстве, мучительное расставание, скорбь, ностальгия, новая встреча в двадцатилетнем возрасте, любовная связь, пылкие отношения, открытия, превратности судьбы, неопределенность, помолвка, бегство, прощение, последствия.

Когда история столь удачно завершена, ее участники опасаются, что будут не удовлетворены продолжением. Я испытываю страх перед встречами с бывшими. Я опасюсь их не меньше, чем жажду.

Теперь у Ринри есть мой парижский номер. Вчера вечером на автоответчике я услышала мужской голос, звонивший сказал, что он рад снова увидеть меня. Какое-то мгновение я пытаюсь сообразить, кто это. Потом все вспоминаю. Довольно странное ощущение – будто я прожила две жизни.

Само собой, у меня их было больше. Однако география отчетливо устанавливает временные границы: моя японская жизнь хороша тем, что меньше впутана в другие существования. В Японии мне нравится именно это; то, что я там пережила, не загромождено пустыми и бесполезными мелочами. Я вернулась туда в двадцать один год с чувством, будто начинаю с чистого листа.

Некоторые скажут, что при таких условиях любая страна годится. Сомневаюсь. Я знаю, что мне необходимо было поверить в себя. Этим я обязана Японии. Только ей.

* * *

Двадцать седьмого марта, когда самолет оторвался от земли, я задумалась, пришла бы мне в голову мысль вновь увидеть Японию, не будь телевидения и японского издателя.

Один из бессмысленных вопросов, на которые нет ответа. И все же я подозреваю, что не пришла бы. Вот в чем весь абсурд того, что заменяет у меня личность. Не знаю, как назвать эту занятную особенность моего существа.

Другое проявление этой черты. Я встречаю кого-то, кто меня привлекает. Этот кто-то назначает мне свидание на такую-то дату. Я ликую. День приближается, мое ликование растет. В день икс я направляюсь к месту встречи и по дороге чувствую, что силы покидают меня. Я становлюсь такой слабой, что охотно присела бы на первую попавшуюся скамейку, чтобы уже никогда больше не сдвинуться с места. Это стремление к небытию обладает безумной властью. Я никогда ему не подчинялась, но испытывала тысячу раз и без всякого убедительного объяснения.

Именно это стремление к небытию – я убеждена – все нескончаемые шестнадцать лет мешало мне вернуться в Японию. Однако должна заметить, я всегда прихожу на свидания.

Поскольку на нашей планете существуют самые разные типы личностей, я думаю, должны быть люди, уступающие этому глубинному стремлению и, вместо того чтобы встретиться с очаровательным существом, они присаживаются на скамейку, чтобы уже с нее не вставать. Я вижу, как мало отличаюсь от тех, кто поддается необоримому зову пустоты. И меня переполняет ужас.

Спасает меня то, что я держу свои обещания. Люди об этом знают. Почему я такая? Подозреваю, по большей части тут дело в Японии. Японцы делают то, что говорят, – все очень просто.

Поэтому никто не сомневался, что двадцать седьмого марта я буду в самолете Париж – Осака. И эта уверенность во многом способствовала тому, что я оказалась в аэропорту в назначенное время. Все возвращается на круги своя: я тем более достойна доверия, что возвращаюсь в страну, где все вызывает доверие.

Мне одной известен страшный секрет, а именно: я готова была попросить таксиста остановиться, когда по дороге в аэропорт заметила скамейку...

Стремление к небытию не возникает никогда, если речь идет о деловой встрече или долге вежливости, то есть когда я чувствую себя обязанной. Вот почему я ассоциирую его с небытием: это стремление пытается подавить мои самые живые желания.

Я полагаю, мне следует благословить представление о культуре, заразившей вежливостью малейшие аспекты наших обязательств, иначе я бы, безусловно, подложила свинью всем на свете.

* * *

Земля. Самолет приближается к Японии с юга. Стоит мне всего лишь увидеть в иллюминатор эту священную землю, как сердце мое начинает выскакивать из груди. Хотя это всего лишь Сикоку. Я никогда не бывала на этом острове. Пролетая над ним, я понимаю, что отличает его от Японии, которую я знаю: он малонаселен и едва застроен. Довольно странное понятие – архипелаг. Если Сикоку представляет его часть, то почему Сахалин – нет? А Курилы? Но не будем злить русских старыми спорами. Тяжба, наверное, гораздо масштабнее. Да и вообще, издали Евразия – это остров. Почему, например, она не принадлежит Японии? И если инстинктивно эта мысль кажется абсурдной, с высоты птичьего полета она не лишена логики.

Аэропорт Осаки расположен у самого моря. За две минуты до приземления под шасси по-прежнему одна вода. Я напрягаюсь.

Съемочная группа «Франс-5» уже ждет меня: они прибыли накануне. Теперь они снимают мои первые мгновения на японской земле. Решаю, что меня это не беспокоит. Что из того, что происходит у меня в душе, может разглядеть камера? Она фиксирует бурунчики на поверхности озера. Я же остаюсь на глубине, куда никогда не проникает свет.

Мы едем в Кобе на автобусе. Он идет вдоль берега моря моего детства. В тысяча девятьсот семидесятом году Осацкий залив был свалкой. Теперь он замечательно очищен. Между Осакой и Кобе сплошная городская застройка. В пейзаже нет ничего приятного, однако он волнует меня. Одной мысли «я в автобусе на Кобе» достаточно, чтобы я представила себе печальную картину разрушения.

Под вечер мы приезжаем в отель. Окно моего номера парит над ярко освещенным городом. Не знаю, что я ощущаю.

Еще раз. Сегодня двадцать восьмое марта две тысячи двенадцатого года. Я бельгийская писательница, после долгого отсутствия обретающая страну своих первых воспоминаний.

В последний раз я видела Японию шестнадцать лет назад, а Кобе – двадцать три года назад. За это время город был сильно разрушен землетрясением семнадцатого января тысяча

девятьсот девяносто пятого года. То, что я вижу через окно, кажется мне знакомым. Однако этого не может быть.

Та, кто смотрит в окно, тоже многое испытала. Мне сорок четыре года. Если время оставляет какие-то отметины на человеке, то это раны. Думаю, у меня их не больше и не меньше, чем у любого другого, – то есть много. Они не только не закалили меня, они обнажили мое сердце. Мои реакции стали гораздо сильнее, чем прежде. Меня бросает в дрожь от одного вида этого возрожденного города. Здесь, в каком-то квартале, которого я не знаю, который не могу узнать, – моя няня, Нисиё-сан. Завтра наступит тот день, когда я ее увижу. Эта мысль буквально расплющивает меня. Боюсь, я не справлюсь...

* * *

И вот начинается беспокойное двадцать девятое марта. Мы отправляемся в Сюкугаву: там прошли первые пять лет моей жизни. Надо ехать на поезде. По дороге я понимаю, что это некий японский эквивалент французского скоростного метро. Был ли такой в моем детстве? Не знаю. Когда я была ребенком, поездка в Кобе казалась мне настоящим путешествием.

Станции сменяют друг друга. Их названия мне знакомы. Сегодня прекрасный весенний денек. На каждом железнодорожном переезде раздается звонок, он не изменился. Это пронзительное динь-динь-динь вызывает в моей памяти какой-то страх. Разумно ли возвращаться?

На станции Сюкугава мы садимся в такси. Это уже звучит фальшиво. Такси в Сюкугаве? Почему тогда не «Формула-1» на острове Цитера? В деревеньке моего детства такси нет. Что произошло? Это уже не деревня, а шикарное предместье, комфортабельный квартал.

Меня охватывает леденящий ужас. Разумеется, было 17 января 1995 года⁴ – теперь никто этот день иначе не называет, что позволяет не путать его с 11 марта 2011-го,⁵ – и с тех пор я сюда не возвращалась. Мне следует быть готовой к изменениям, я не должна поддаваться своему демону тоски, жизнь победила, это важнее всего.

В такси я каменею. Камера снимает камень, который смотрит вокруг. Это визит вежливости в край главных воспоминаний моего детства. – А как поживает госпожа Уэда? – Ах, бедняжка, ее муж погиб под обломками крыши их дома, поэтому, вы же понимаете, она уехала. Чтобы больше не думать об этом. – А магазин сладостей, куда меня водил Йасуёши? – После того как здание восстановили, конфеты здесь больше никто не ест: теперь это химчистка. – Но Йасуёши по-прежнему здесь? – Он умер. – Как? Когда мне было четыре, ему было всего восемнадцать лет! – Разбился на мотоцикле.

Не вникать в подробности – это талант, которым я не обладаю. Надо стараться не дрожать. Если меня охватывает дрожь, значит задет нерв; тут уж ничего не попишешь, я могу только дрожать, и не как осиновый лист, а как готовый взорваться агрегат.

– Приехали, – говорит таксист.

– Куда? – задаю я нелепый вопрос.

– На адрес, который вы назвали.

То есть к дому моего детства. Выхожу из машины. Конец света – это когда ничего не узнаешь.

Делаю вежливое лицо, чтобы осмотреться вокруг. На месте дома, в котором я провела первые годы жизни, расположен японский двойник претенциозных особняков, построенных в наши дни в Верьер-ле-Бюиссон, чтобы их владельцы могли убедить себя в своем социальном преуспевании. Конечно же, меня предупредили, что дом (когда я говорю «дом», я всегда имею

---

⁴ В этот день в Кобе произошло землетрясение, получившее название «Великое землетрясение Хансин-Авадзи».

⁵ Землетрясение у восточного побережья острова Хонсю, самое сильное и разрушительное за всю историю наблюдений.

в виду именно этот) не выдержал подземных толчков. Но одно дело знать, другое – увидеть собственными глазами.

Если во мне есть что-то японское, то вот что: когда я ощущаю, что моя эмоциональная реакция будет чересчур сильной, я ее подавляю и напрягаюсь. Мое негнушееся тело прохаживается по улице. Ко мне тянется микрофон, я произношу пустые слова о быстротечности времени.

Осознаю, что умоляю это место подать мне знак. Глупо. Как оно может со мной разговаривать? И все же что-то происходит. Я вижу, как из боковой двери выходит домработница с ворохом выстиранного белья и развешивает его на веревках за кухней.

Так же, в этом самом месте, делала Нисийэ-сан, моя любимая няня. А я заворуженно смотрела, как ей удастся расправлять огромные простыни, превращая мокрые тряпки в гладкое полотно.

Внезапно отдаю себе отчет в том, что с семнадцати лет стираю сама. Единственное, что я постоянно делаю в жизни, – это пишу и стираю, и даже сержусь, если кто-то вместо меня берется за стирку. Если бы я была одержима чистотой, еще куда ни шло, но это не про меня. Истина открывается мне благодаря этой незнакомке: быть прачкой для меня означает доказать, что я дочь Нисийэ-сан.

Я неотрывно слежу за женщиной, развешивающей мокрые рубахи. Оператор делает вывод, что это важно, и снимает женщину.

– А теперь прогуляемся, – предлагает режиссер.

Я покорно шагаю по улицам того, что теперь носит название Сюкугава. Инстинктивно я выбираю путь к детскому саду, но когда я уже собираюсь зайти в здание, съемочная группа не пускает меня:

– Детский сад запланирован на завтрашнее утро.

Человек более настырный, чем я, непременно поинтересовался бы причиной подобного абсурда. А я – нет. Я не задаю ни одного вопроса, потому что слишком занята усмирением выпрыгивающего из груди разбитого сердца.

Чем заурядней печаль, тем она нестерпимей. Всем знакомо это жестокое испытание – обнаружить, что священные места раннего детства осквернены, что их не сочли достойными сохранения и что это нормально, вот так-то.

«Брось свои дурацкие сантименты, – уговариваю я себя, – на земле есть кое-что поважней». Я знаю, что это правда, но все равно считаю наоборот. Какая-то исступленная и убежденная часть моей души вопит, что, если бы Сюкугава осталась той ветхой деревушкой, мир был бы спасен.

Но это не так. Бреду наугад и попадаю на детскую площадку. Она уже не та, что была в моем детстве, но и я изменилась. Устраиваюсь на качелях и делаю то, что делают, когда садятся на них. Камера снимает меня, и архибанальность происходящего меня не беспокоит. Если берешься играть роль взрослого, напавшего на следы своих первых воспоминаний, надо быть готовой к подобным кадрам.

Смотрю на горы: в мое время они были пустынно и таинственны. Теперь их жадно пожирают особняки. Я знаю, что зеленое озерцо, которое мои глаза ищут где-то на середине склона, стало паркингом. Этот некролог можно было бы продолжить, я инстинктивно прерываю его.

«Взгляни на все с другой стороны, – говорю я себе. – Что уцелело?» Мне кажется, здесь царит та же тишина, прерываемая беззлобным лаем собак. Воздух тоже не изменился, я узнаю его манеру ласкать щеки.

Тишина и воздух – не так уж плохо. Чего мне еще надо? Улыбнувшись для поднятия духа, я направляюсь в сторону станции. Надо просто идти по отлогой улочке.

Внезапно я буквально лишаюсь чувств, это не преувеличение. Почему мне потребовалось столько времени, чтобы заметить сточную канавку? Это она, она самая. Между той, которую я вижу, и сточной канавкой моего детства абсолютное сходство. Это событие исторгает из моего горла крик. Я иду вдоль канавки и по-прежнему узнаю ее, сердце мое становится размером с тыкву, я пускаюсь бежать и оказываюсь в том месте, где канавка впадает в водосток. Чудо! Я, так часто пускавшая рыбок и кораблики по ее течению, вспоминаю это мистическое ощущение близости границы мира, проходящей по широкому отверстию водостока, гигантской пасти небытия.

Съемочная группа догоняет меня. Сдавленным от волнения голосом я бормочу:

– Сточные канавки и водостоки не изменились.

Мое сногшибательное открытие не вызывает никакой реакции. Вежливая безучастность моих спутников означает, что я сказала нечто, не вызывающее интереса. И я понимаю, что самое бурное, самое глубокое, самое подлинное чувство, испытанное мною этим утром паломничества, попросту бессмысленно.

* * *

Мы уезжаем из Сюкугавы на такси: другого транспорта в глухой уголок пригорода, где живет Нисиё-сан, нет. По дороге мы останавливаемся перекусить. Мне кусок не лезет в горло, и я отправляюсь на поиски цветочной лавки, где покупаю розовый куст.

– Для подарка? – спрашивает продавщица.

Я киваю. Она мастерит слишком роскошную для моего куста упаковку. Дальше я повезу корзину, которая больше подошла бы для похорон оперной дивы.

Такси доставляет нас в расположенный на окраине Кобе квартал социального жилья. Здание довольно грязное. Мы приехали на десять минут раньше, я гуляю по двору, где играют в мяч четырехлетние дети. В назначенный час поднимаюсь на седьмой этаж. К квартирам ведет наружная галерея. Убогие двери. Возле одной из них я узнаю иероглифы Нисиё. Сердце сжимается. Я звоню.

Дверь открывается, я вижу перед собой очень старую женщину ростом не более метра пятидесяти. Сперва мы с опаской смотрим друг на друга. Встречи после долгой разлуки – дело такое сложное, что к ним следовало бы приступать только после длительной подготовки. Или же попросту запретить их.

Она произносит мое имя, я – ее. По телефону этот голос показался мне молодым. Теперь у меня нет такого впечатления. Непрерывно извиняясь, она приглашает меня войти. Я снимаю обувь, то же делают члены съемочной группы. Мы присоединяемся к Нисиё-сан в микроскопической гостиной. Она велит мне сесть на стул, а сама продолжает стоять возле меня, – наконец-то наши головы оказываются на одной высоте.

Я показываю ей на камеру и спрашиваю, не беспокоит ли это ее. Она снова принимается извиняться. Я прекрасно ее понимаю: сама испытываю то же самое. Мы обе так смущены, что присутствие камеры ничего не меняет.

Я протягиваю Нисиё-сан розовый куст: он такого же роста, как она. Она ставит его и, пронзительно рассыпаясь в так хорошо знакомых мне благодарностях, принимается освобождать от упаковки. А затем вновь возвращается на свой пост напротив моего стула и принимается меня разглядывать.

– Ты похожа на мать, – наконец говорит она.

– Как ваши дочери, Нисиё-сан?

– Не знаю.

– Вы, наверное, бабушка?

– У моих дочерей есть дети, но я с ними не знакома. Они отказываются видеться со мной.

Это известие ошеломляет меня. Нисиё-сан, бедная женщина, без мужа, всю жизнь тяжело трудилась, чтобы вырастить своих двойняшек, а теперь они отталкивают ее. Я жду объяснения, но она молчит. Я знаю, что спрашивать не надо.

До чего же Нисиё-сан старая! Ей почти восемьдесят. А кажется, что еще больше. У нее седые, коротко стриженные волосы, она в брюках и грубой шерстяной кофте. Квартира скорей милая – это меня успокаивает. До сих пор мы еще не прикоснулись друг к другу, не сказали ни слова, которое свидетельствовало бы о безграничности соединяющей нас любви. Я знаю, что, если не сделаю усилия, нам не преодолеть нашей скованности.

Я собираю все свое мужество:

– Я тоже ваша дочь, Нисиё-сан. И я приехала из Европы, чтобы повидаться с вами.

Происходит чудо. Нисиё-сан раздражается рыданиями и обнимает меня. Я по-прежнему сижу на стуле. Неподходящая поза. Тогда я встаю и изо всех сил заключаю старушку в свои объятия.

Так мы стоим бесконечно долго. Я плачу так, как хотела бы плакать в пятилетнем возрасте, когда меня вырвали из ее объятий. Редко случается испытывать столь сильное чувство. Я склоняю голову к седым волосам этой, сыгравшей в моей жизни такую важную роль женщины, – и происходит нечто чудовищное: от рыданий содержимое моего носа изливается на череп моей святой матушки. В ужасе, что она может это заметить, я глажу ладонью ее волосы, чтобы стереть с них следы моего преступления. В Японии столь интимный жест воспринимается как безумная грубость, но Нисиё-сан принимает его, потому что она меня любит.

Таков незыблемый закон: если нам дано испытать сильное и благородное чувство, тотчас какой-нибудь гротескный инцидент все испортит.

Объятия разжимаются. Потрясенная, я падаю на стул. Нисиё-сан по-прежнему отказывается присесть – конечно, для того, чтобы ее лицо оставалось на уровне моего.

– Давно вы здесь живете?

– Да, с тех пор, как землетрясение девяносто пятого года разрушило мой дом.

– А в Кобе были отголоски одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого?

– Ты о чем?

– Вы же знаете: Фукусима.

– Я тебя не понимаю.

Я оборачиваюсь к двадцатидвухлетнему переводчику из Токио и прошу его помочь мне. Он спокойно объясняет моей няне, что я намекаю на крупное землетрясение одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого года.

– Что это? – спрашивает она.

Мы с молодым человеком быстро переглядываемся. В глазах Юмето я читаю: говорить ей? Я отрицательно качаю головой.

Значит, несмотря на наличие телевизора, прошлогодняя катастрофа не коснулась Нисиё-сан. Старость уберегла ее. Я не считаю нужным рассказывать ей об этом. Раз ее сознание не зафиксировало трагедии, значит его способность страдать исчерпана. К чему навязывать Фукусиму женщине, пережившей бомбардировку Второй мировой войны?

Нисиё-сан спрашивает меня о родителях, брате, сестре и встречает мои ответы короткими восклицаниями, свидетельствующими о том, как жадно она ловит каждое мое слово.

– Помните, когда я была маленькая, вы позволяли мне есть из вашей тарелки, – говорю я.

В ответ она машет рукой. Не знаю, означает это, что она не помнит или что о столь естественных вещах и говорить не стоит.

По какому признаку можно понять, что у старого человека с головой не все в порядке? Происходит какой-то сбой. Не она чувствует себя растерянной перед нами. Это мы растеряны. Она обладает основополагающим умением – искусством больше не воспринимать то, чему противится. Хотелось бы и нам всем быть способными на такое чудо.

А что, если рассказать ей о моих книгах? Ведь по телефону я сообщила ей, что стала писательницей. Внутренний голос подсказал мне не затрагивать эту тему. Я не пытаюсь анализировать, я подчиняюсь.

Пора уходить. Произношу дежурную фразу:

– Должно быть, вы прилично устали.

Нисиё-сан собирается с силами. Она вежливо прощается с членами съемочной группы. Все выходят, оставив меня в квартире наедине с решительной женщиной. Тогда она судорожно хватается за запястья, потом обнимает, снова хватается за руки. Ее трагические глаза говорят на нестерпимом языке.

Час назад я считала, что встречи после долгой разлуки следовало бы запретить. Теперь я думаю, что и расставания тоже. Я только что с интервалом в час нарушила оба этих взаимодополняющих табу. Единственное, что меня извиняет, – это то, что я недооценила их трагическую суть.

Мы обе дрожим, как реактор. Нисиё-сан говорит, что ей стыдно, я говорю, что мне стыдно. Ловлю себя на мысли, что хотела бы оказаться в другом месте. Слишком много страдания. Мне бы хотелось, чтобы все скорее закончилось. В пять лет я была сильнее.

В самый последний раз я обнимаю эту святую женщину. Она издает стон, и я чувствую себя чудовищем. Я открываю дверь. Я оборачиваюсь. Я смотрю на нее. Она смотрит на меня. Я закрываю за собой дверь.

На лестничной площадке начинается другой мир. Спотыкаясь, бреду к Юмето. Кажется, он понимает, что со мной.

– Как она вам? – спрашиваю я.

– Это очень пожилой человек, – сдержанно отвечает переводчик.

– Что мне делать?

– Вы сделали то, что должны были. Она была рада вас видеть.

В машине замечаю, что плачу не только я. Девушка-режиссер всхлипывает, у оператора глаза на мокром месте. У всех нас есть старая мать, не обязательно родная по крови, но которую мы почитаем с незапамятных времен.

В такси гробовое молчание. Спустя десять минут я заявляю:

– На этот раз мне удалось поплакать. Так было надо.

– Ваши слезы были нужны Нисиё-сан, – говорит мне режиссер.

Спасибо ей! Ее слова спасают меня. В груди вдруг перестает теснить. Я наконец могу дышать.

Во мне бурлит радость чудом спасшегося человека. Я выдержала испытание. Может так случиться, что самая глубинная наша потребность представляет одновременно и самую жестокую пытку. Я осознаю, что случилось чудо: мы с Нисиё-сан повидались, я сказала ей то, что следовало сказать, я позволила искре необычайной любви пробежать между нами. И мы выжили.

Кобе за окном автомобиля неожиданно представляется мне дивным городом. Юмето спрашивает, все ли в порядке. Я говорю «да». Теперь он обращается ко мне по-японски. Хотя, конечно, заметил, что с Нисиё-сан я делала по три ошибки в каждой фразе. Но, по-моему, он думает, что я поистине дитя этой женщины.

* * *

В отеле, созерцая Кобе, пью пиво.

В последний раз я видела Нисиё-сан тридцать первого декабря восемьдесят девятого года. Мне было двадцать два года, а ей – пятьдесят шесть. Помнится, она непрестанно смеялась. Мы с ней пошли встречать Новый год и звонить в храмовые колокола. Расстались после полуночи, без слез. Тогда я видела Нисиё-сан впервые после нашего бесчеловечного проща-

ния, когда мне было пять лет. Я была сильно взволнована, однако сердце не разрывалось на части, как нынче вечером.

В свои пятьдесят шесть Нисиё-сан казалась мне молодой и жизнерадостной. Мы прогулялись в Киото, где она чувствовала себя как дома. За время нашей разлуки произошло столько бедствий: землетрясение в Кобе разрушило дом, дочери покинули ее. Проклинаю судьбу за такую жестокость.

Представляю, как я бы уговаривала Нисиё-сан приехать в Европу и жить со мной. Она с полным основанием решила бы, что я дура. В восемьдесят девятом году я по телефону предложила ей съездить в Токио. Она повторила «Токио?» таким тоном, как будто я звала ее прогуляться на Уран. Она никогда не бывала дальше Киото, который считала краем света. Нисиё-сан никогда не покидала региона Кансай и никуда не хотела уехать. Слышанные ею рассказы об остальном мире только утвердили ее в этом нежелании.

«А что, если тебе здесь поселиться?» – спросила я себя. В восемьдесят девятом я как раз сделала такую попытку. И никогда не сожалела об этом опыте, хотя в конце концов поняла, что моя жизнь – в другом месте.

Мое существование изобилует подобными историями. Я уж не говорю о количестве болезненных расставаний, которые мне довелось пережить. Но разлука с Нисиё-сан навеки сохранит пальму первенства по степени отчаяния, потому что она была первой и потому что Нисиё-сан была моей матерью.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что моя родная мать не была хорошей матерью. Это неверно. Та, которую я зову мамой, – исключительная мать, я знаю, как мне повезло, что я ее дочь. Но сердце многогранно, и так же, как можно влюбляться не один раз, можно отождествлять с идеальной матерью не только одну женщину. Это залог большего волнения, большей привязанности и большего страдания.

Укладываясь в постель, я подумала, что по сравнению с первым днем продолжение путешествия в Японию будет приятным развлечением.

* * *

Не следует искать логики в съемках документального кино. Назавтра, тридцатого марта, мы возвращаемся в Сюкугаву с целью посещения детского сада, куда я ходила в семидесятом – семьдесят первом годах.

Месяц назад съемочная группа спросила у меня название учреждения.

«Он называется *йошин*», – ответила я.

Что означало, что детский сад называется «детский сад». Для облегчения поисков я добавила, что он располагался примерно в пятистах метрах от моего тогдашнего дома.

По пути режиссер сообщает мне, что на самом деле это «Мария Йошин» – детский сад Пресвятой Девы Марии. Я изумлена.

– То есть, сама того не зная, я посещала католическое заведение?

– Мы нашли фотографии воспитательниц. Они одеты как монахини. Вы что, не замечали?

– Помнится, они были одеты как медсестры. Я никогда не видела монахинь.

– Ваши родители стремились к тому, чтобы вы получили католическое воспитание?

– Меня бы это удивило. Просто это был единственный йошин поблизости, и мои родители хотели, чтобы я ходила в японский детский сад.

Остаток пути я копаюсь в своей памяти в поисках какого-нибудь католического следа, связанного с йошином. Тщетно. Хотя уже тогда я знала о существовании такой религии. Но не представляла себе ее персонажей.

Первое, что я вижу во дворе детского сада, – статуя Девы Марии. Начисто ее не помню, из чего делаю вывод, что в семидесятом году не знала, кто эта дама. Все остальное мне знакомо: детский сад не изменился ни на йоту.

В детстве я ненавидела йошин. Мне было не понять, во имя чего я должна покинуть садик возле дома, отцепиться от юбки Нисие-сан и смешаться со стадом детей, чтобы в их обществе предаваться оскорбительным занятиям вроде хорового пения и заумных игр. К тому же я оказалась единственной неяпонкой в заведении, что вся детвора старательно давала мне почувствовать самым обидным способом.

Но сегодня не это на повестке дня. Съёмочная группа предупредила нынешних воспитательниц о приезде бельгийской писательницы, некогда посещавшей их учреждение. Меня торжественно приветствует делегация нарядно одетых женщин – сегодня это уже не монахини. На своем кухонном японском сообщаю, что в семидесятом году ходила в группу писунов. Они испускают радостные крики. Не зная, что еще добавить, спрашиваю, существует ли еще группа писунов.

– Столь устаревшая терминология давно забыта, – отвечает одна из дам.

Разумеется. Подобное наименование восходит к каменному веку.

– Вы бы хотели посетить детский сад?

– С удовольствием, – слышу я свой голос.

В разгар весенних каникул в учреждении почти никого нет. Мы заглядываем в пустые комнаты; я без труда опознаю ту, где располагалась моя группа.

– Похоже, землетрясение в Кобе здесь ничего не разрушило, – замечаю я.

– Да, – соглашается воспитательница. – Это чудо, потому что весь квартал был стерт с лица земли.

– Я знаю. Дом моего детства, в пятистах метрах отсюда, не устоял.

Мы присаживаемся на детские стульчики. Заметив вышитые поделки, я восклицаю, что у меня когда-то тоже такие были. Дама любезно предлагает мне продемонстрировать прогресс, должно быть достигнутый за последние сорок лет. Смешное не убивает – принимаюсь толстой красной ниткой вышивать клубнику. Камера неотступно следит за каждым моим движением. Какой-то голос внутри меня нашептывает: «Ну что, изо всех сил стремилась писать полные смысла романы? Теперь получай». Но я все равно старательно тычу иголкой. Ясельная воспитательница меня хвалит. Смеюсь, чтобы не сдохнуть от стыда.

Появляется женщина с альбомом, полным фотографий эпохи неолита. Рассматриваем те, что относятся к семидесятому – семьдесят первому годам. У меня впечатление, будто я ищу камешек в саду дзен, как вдруг среди умных детишек признаю маленькую надутую девочку. Я вскрикиваю:

– *Ватаси десу!*

«Это я!» Еще никогда в жизни я не произносила этих слов столь энергично. Слово «признание» совпадает с другим своим значением – «признательность». Оказывается, увидеть эту фотографию было спасением для меня; я и не знала, что мне так необходимо подобное доказательство. С годами меня так захлестнуло глубинное ощущение нереальности, что в конце концов я пришла к убеждению, будто выдумала свое японское прошлое. Это мучительное предположение недавно подтвердилось исчезновением дома моего детства и сопутствующими изменениями. Ну да, Нисие-сан признала меня, однако я питаю к самой себе столь сильное недоверие, что этого мне оказалось недостаточно, чтобы успокоиться. Какая-то часть меня настойчиво вопрошала, стоит ли доверять старухе, не заметившей одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого года. Может ли она быть уверена, что эта бельгийская писательница – тот самый ребенок, о котором она когда-то заботилась? А вот благодаря детсадовской фотографии истина подтвердилась.

Воспитательницы немедленно принялись сличать копию с оригиналом. Вот ведь забавно: я так мало изменилась. Оператор крупным планом снимает фотографию. Альбом заменяет книгу записей и архив. Для присутствующих это занятный или трогательный момент. Для меня – испытание. Значит, мне не приснилось. Значит, в самом деле существует связь между той девочкой и взрослой женщиной, которой я стала.

Благодарю воспитательниц с жаром, который их удивляет. Они дарят мне вышитую мною клубнику. Одна из них бежит сделать ксерокопию детсадовской фотографии. Я почтительно принимаю бесценные свидетельства.

Съемочной группе хочется запечатлеть меня во дворе. Усаживаюсь на покрывало и отвечаю на какие-то вопросы. К нам, потрясая двумя листами бумаги, возвращаются воспитательницы: они распечатали то, что сообщает обо мне японский «Гугл». Просят, чтобы я подписала эти страницы для йошина. Подчиняюсь, стараясь подавить желание расхохотаться.

Признаюсь им, что постоянно сбегала. Я заходила в детсадовский туалет, открывала окно, выпрыгивала через него и мчалась по улице. Они не обижаются и показывают мне новые туалеты – без окон. Молча благодарю судьбу за то, что мне уже не три года.

Затем они ведут меня во второй двор, где я нос к носу сталкиваюсь с гигантской горкой, во времена моего детства бывшей самым знаменитым местом. При виде нее я испытываю невыразимую радость. Что тут объяснять. Я нежно глажу товарища моих былых забав.

На обратном пути в Кобе храню молчание. Точно сказал Флобер: «Глупость состоит в том, чтобы подводить итоги».⁶ То, что я испытала, не завершить выразительной концовкой. Меня снимают на канатной дороге в Кобе. В глуповатой прострации произношу какие-то фразы, которые тут же забываю.

Поезд в Киото битком набит. Неужто все жители Кобе хотят провести выходные в прекраснейшем городе мира? Не могу их одобрить. Добравшись до своего номера в отеле, падаю в постель и засыпаю с мыслью о том, что я в Киото. Мне снится, что я сбегая из йошина по гигантской горке.

* * *

Всякий человек, прибывающий в прекраснейший город мира, испытывает искушение произнести какую-нибудь торжественную нелепость. Еще сильнее искушение, когда он об этом пишет. Однако не сказать ни единого слова о прекраснейшем городе мира было бы глупо. Короче, вот я и оказалась перед дурацким выбором.

По пути с вокзала в отель режиссер, молодая француженка, для которой эта поездка в Японию – первая, говорит мне:

– Не знала, что Киото – это современный город. Я думала, здесь все древнее.

Мы, европейцы, не знаем, что города вроде Ассизи (упомянем только его) представляют собой единственные в своем роде исключения: время в них по-настоящему остановилось. И это чудо. Ни в Бомбее, ни в Сиане, ни в Киото время не остановилось.

В две тысячи двенадцатом году вышел альбом двадцатичетырехлетнего американского чуда, Скрилллекса,⁷ «Бангаранг» с песней «Киото». Совершенно очевидно, Скрилллекс понял, что представляет собой сегодня этот город, – его музыка обладает невероятной силой. Если прислушаться, можно различить великолепие храмов, но оно, подобно следам былых времен, вкраплено в бурлящую смолу урбанистического пейзажа.

---

⁶ Неточная цитата из письма Флобера Луи Буйе.

⁷ Сонни Джон Мур (*англ.* Sonny John Moore, р. 1988), более известный по сценическому псевдониму Скрилллекс (Skrllex), американский брестеп-музыкант и продюсер.

Разумеется, Токио в четыре миллиарда раз современнее Киото, но это его призвание столицы, и город соответствует ему. Киото вызывает ощущение шизофрении: соседство эпох в нем создает огромные перепады силы, притом что никакой диалог не представляется возможным. Вообразите себе город, одновременно столь же мистический и божественный, как Паган,⁸ столь же богатый и буржуазный, как Бордо, столь же технологический и хаотичный, как Сиэтл. Хотя невозможно представить себе подобную мешанину, все же она лучше всего отражает образ Киото.

Я впервые попала в Киото, когда мне было четыре года. Родители повезли троих своих детей посмотреть храм под названием Золотой павильон. В качестве приобщения к красоте подобное мероприятие нельзя назвать полумерой. Безусловно, именно по этой причине я склонна сильно завышать планку.

Вы даже не представляете, какой влажный климат в Киото. Поэтому летом там так же невыносимо, как зимой. В восемьдесят девятом году, когда я встречала Новый год с Нисиёсан, я испытала эту муку влажного холода. Туристам я рекомендую осень или весну.

Мы в Киото тридцать первого марта и первого апреля. Сакура только зацветает. Восхитительное время. Оператор выкладывается от души. Я для него – предлог, чтобы запечатлеть эти божественные красоты. Безуспешно пытаюсь намекнуть ему, что мое присутствие в кадре необязательно.

Молодой токийский переводчик Юмето счастлив и одновременно смущен. Величие храмов наполняет его гордостью, пренебрежительный тон местных жителей приводит в уныние. «Когда они ко мне обращаются, мне кажется, что я должен попросить у них прощения», – признается он. Мои римские друзья испытали подобное ощущение во Флоренции.

Вечером, по дороге в Токио, мы переполнены впечатлениями. Мы стали жертвами не синдрома Стендаля, а того, что можно было бы назвать синдромом Мисимы: останься мы в Киото еще на день, мы бы, возможно, подожгли Золотой павильон.⁹

* * *

В поезде мы делаем то же, что другие пассажиры: покупаем бэнто,¹⁰ пиво «Кири» в банках и перекусываем.

Французское телевидение проявило щедрость, забронировав для нас номера в настоящем токийском отеле. Каждый из нас оказался в таком тесном чулане, что приходится выбирать: открыть чемодан или дверь в ванную. Я выбираю не выбирать и засыпаю.

Просыпаюсь с мыслью, что я в Токио, городе шальных походов моей молодости. Совершенно естественно, мне требуется определенное время, чтобы припомнить, что здесь я также познала страх и трепет¹¹ от этой затишья. Ну и что? Какое счастье, что я здесь.

В Токио лучший в мире климат, роскошный и сухой, – только не летом. Раздвинув занавеси, узнаю здешнее небо: погода отличная, как всегда. Я вижу прогуливающегося по улице местного сутенера, его легко опознать по изумрудно-зеленой шубе, черной сорочке и белому галстуку. Подобное доказательство постоянства вещей еще больше способствует моему великодушному настроению.

---

⁸ *Паган* (или Баган) – древняя столица одноименного царства на территории современной Мьянмы. В настоящее время на месте древнего города находится археологическая зона с тысячами пагод, храмов, ступ, монастырей.

⁹ В основе романа Юкио Мисимы «Золотой храм» (1956) лежит история о сожжении храма молодым монахом.

¹⁰ *Бэнто* – японский термин для однопорционной упакованной еды. Традиционно включает рис, рыбу или мясо и нарезанные сыры или маринованные овощи в одной коробке с крышечкой.

¹¹ Аллюзия на роман автора «Страх и трепет».

Токио – это прежде всего темп, а именно – темп умело сдерживаемого взрыва. Возвращаясь сюда после долгого отсутствия, следует на несколько секунд зависнуть в некоем подобии невесомости, чтобы приземлиться в нужном темпе. Как только ступни почувствуют вибрацию, вы готовы.

Я готова. Съёмочная группа увозит меня в деловой квартал. Я потрясена. Двадцать лет назад Синдзюку казался мне авангардом бизнеса. Сегодня он напоминает межпланетную базу. Я думала, кризис затормозит изменения. Но выходит – наоборот.

Здесь можно встретить только служащих. Точнее было бы сказать, здесь мало кого можно встретить, потому что эти люди работают. Такие места как будто созданы для того, чтобы снимать здесь клипы. Нечто подобное делаем мы с оператором – придумываем клип на «Страх и трепет». Поднимаемся на вершину небоскреба, и на камеру я делаю вид, будто бросаюсь вниз.

Токио. Вид сверху: нигде в мире нет такой бескрайней городской панорамы. Окрестные горы скрыты дымкой, поэтому возникает впечатление, будто у города нет ни начала, ни конца. В центре – точно косматая голова на теле, с которого содрали кожу, – исполинский комплекс Императорского дворца, окруженного садом и рвами с водой. Остальное – шкура, ошетилившаяся колючками зданий, высота которых варьируется в зависимости от кварталов, и простирающаяся за горизонт.

Спустившись на землю, отправляемся в Харадзюку, квартал молодых авангардистов. Парадокс авангарда – в некотором постоянстве облика: я узнаю места и людей. Подростки, наводнившие эти улицы, еще не родились, когда я жила в Токио, но они все те же, за исключением некоторых деталей в одежде. Здесь нарядиться готической гейшей – ничто, можно прослыть рутинером. Каждый выставляет напоказ собственный стиль. Здесь царит дух чистого самовыражения, что представляется мне симпатичным: у нас есть право разглядывать эти личности, которые хотят быть увиденными.

Те, кого я рассматривала в Харадзюку двадцать лет назад, с тех пор остепенелись: достигнув назначенного возраста, двадцати пяти лет, они сменили свои фантастические облачения на деловые костюмы, более подходящие их приличным прическам. Их приняли на работу в учреждения, несмотря на завершение в Японии периода «bubble economy».¹² Они больше не вызывают пересудов.

Юмето двадцать два года. Обращаюсь к нему как к представителю поколения и спрашиваю, утихомирится ли, подобно предшествующей, эта юная токийская поросль.

– Про других не знаю, но я и мои друзья – никогда, – отвечает он.

Его слова придают мне бодрости духа.

Мне не скучно смотреть на прохожих, особенно если это японцы. В Харадзюку каждый выставляет себя напоказ. По сравнению с токийцами эксцентричные чудачки остального мира – жалкие фигляры.

Под вечер мы идем в кислородный бар в районе развлечений Кабуки-тё. Заведение больше похоже на череду инкубаторов; нам предлагают подписать два десятка документов о том, что мы согласны умереть во время эксперимента, после чего каждого помещают в отдельную камеру, где нам предстоит в течение часа подвергнуться массивной кислородной атаке.

Одетая медсестрой служащая закрывает камеры, предупреждая нас, что сейчас мы испытаем самые невероятные галлюцинации. И добавляет, что в случае панического страха можно нажать на красную кнопку.

---

¹² *Bubble economy* (англ.) – так называемая экономика «мыльного пузыря». Экономика неустойчивого бума, когда происходит быстрый рост цен на акции и увеличение занятости.

За шестьдесят минут никто не нажал. Обмениваемся впечатлениями: мы с Юмето сразу погрузились в сон; режиссер испытала приступ клаустрофобии, который переборола с помощью медитации; что касается оператора, то он провел этот час, размышляя, где мог забыть скотч.

* * *

Третьего апреля мы на поезде едем в Фукусиму. Из всех городов, где мы побывали за время нашего путешествия, это единственный, которого я не знаю. После двух часов пути мы приезжаем в обычный городок, окруженный горным массивом. Тщетно стали бы мы искать следы разрушения; служебный грузовичок долго везет нас к побережью.

Мы пересекаем пустынную зону. Водитель сдержанно сообщает нам, что до одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого года здесь был жилой район. Можно только восхищаться наведенным порядком: ни следа развалин. Мы как раз успеваем оценить умение стереть сами воспоминания о катастрофе, когда обнаруживаем то, что прежде было здешним портом.

Портовые сооружения тоже уничтожены, словно они подверглись бомбардировке. Требуется постоянно напоминать себе, что подобные разрушения – работа природы: в столь мерзком разорении скорее видится человеческая рука.

Продолжаем наш путь и попадаем в еще не расчищенную зону. Апокалипсис означает откровение – нам открылась чудовищность бедствия.

Среди пустоты, как культы, торчат балки домов. Смерть парализовала их, как тела жителей Помпей. Наполовину уничтоженные комнаты зияют внутренностями. Ряды обуви перед остатками дверей говорят о том, что, когда на город обрушилось цунами, люди находились дома.

Самое печальное – это груды вещей: остатки с пиршественного стола, то, что смерть не смогла дожрать. Детские игрушки, прищепки для белья, домашние тапки.

Идиллические пейзажи на стенах развороченных гостиных свидетельствуют о том, что их владельцы не были богаты, но любили свои уютные квартиры. Лишенный крыши салон причесок подсказывает, что здесь следили за своим внешним видом.

После трагедии прошел год и двадцать три дня. Холодно, пасмурно, дует ледяной северный ветер. Солидарность климата. Несколько домов уцелели; глядя на них, понимаешь, что волна просто прошла мимо, без всяких объяснений. Пытаюсь вообразить, что могли чувствовать чудом спасшиеся люди. Не получается.

Мы с девушкой-режиссером страдаем от спазмов в желудке. Не может быть и речи, чтобы нас вывернуло прямо тут. Едем к какому-то заводу, вроде чистенького кооператива, спрашиваем, где туалеты. Выйдя оттуда, смотрим на людей, работающих как ни в чем не бывало. Несомненно, предприятие уже существовало одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого года, работники трудились здесь, все были напрямую связаны с катастрофой, каждый потерял хотя бы одного члена семьи. А лица у них приветливые. Это одновременно удивительно и жутко. Чуть дальше натыкаемся на бригаду рабочих, разбирающих завалы в развороченной зоне. Каждый управляет экскаватором, который кажется продолжением его тела и даже рук, – с беспрецедентной точностью и терпением крановщики сортируют обломки и раскладывают их по кучам: ткани, древесина, металл. На это уходит безумное количество времени. То, что не относится ни к какой категории, утрамбовывается и остается на месте.

Огромная стая цапель кружит над этой аристотелевой сортировкой. Для меня всегда было событием увидеть цаплю. Я не могу объяснить себе присутствие примерно пяти десятков этих редких птиц вблизи свалки. Они не пытаются копаться в кучах мусора. Могу поклясться, они здесь из любопытства. Или чтобы наблюдать за подъемными кранами.

Водитель грузовичка предупреждает нас, что, если мы хотим сегодня вечером вернуться в Токио, самое время ехать на вокзал. Оцепеневшие от холода и ужаса, мы подчиняемся и укрываемся в машине. Без единого слова проезжаем по берегу мимо знаменитой атомной станции. Никто из нас не надел нелепую маленькую маску, якобы предохраняющую от радиации: мы тут всего на несколько часов, да и среди тех, кто здесь работает, их никто не носит. Тем более, кто поверит, что кусочек бумаги на носу и губах может помочь против подобной угрозы?

Мы расстаемся с этим почти прекрасным в своем безобразии пейзажем и успеваем к токийскому поезду. В вагоне нам бы хотелось сидеть вместе, чтобы облегчить сердце, но купленные в спешке билеты не позволяют это сделать. Достаточно было бы поменяться местами с одним пассажиром, который опередил нас. На просьбы Юмето он всякий раз отвечает, что это невозможно. «Следует соблюдать нумерацию», – твердит он. Мы пытаемся посмеяться.

Юмето дает мне свой мобильный. Уединяюсь в туалете, чтобы позвонить Ринри.

– Ты где, Амели? – радостно спрашивает он.

– Возвращаюсь из Фукусимы. Я в экспрессе «Синкансэн».

– Фукусима. Тебе не кажется, что эти бедняги достаточно пострадали? Неужели тебе так уж необходимо было туда ехать? – говорит он насмешливо.

– Тебе прекрасно известно, что я не знаю жалости.

– Какая там погода?

– Средненькая.

– Считайте, вам повезло. В Токио вот уже два часа страшный тайфун.

– Ты не забыл, что завтра вечером мы встречаемся?

– Я забыл все, кроме этого.

Диктую ему адрес отеля.

– Берегись тайфуна. Мне не терпится тебя увидеть, – говорит он прежде, чем разъединиться.

Мне казалось, я привыкла к тайфунам, но тот, что поджидает нас в Токио, производит на меня впечатление. А ведь мы пропустили самый пик.

Редчайшие прохожие на улицах силятся продвигаться вперед. Самое поразительное – кладбища зонтиков: вырванные из рук пешеходов парашютики из прозрачного пластика громятся на перекрестках, образуя стихийные инсталляции.

* * *

Японский издатель организовал мне интервью четвертого апреля. Журналистка ждет меня во Французском институте вместе с потрясающей Корин Кентэн, самой известной в Токио франко-японской переводчицей. Уж не знаю, в какой газете работает моя журналистка, но ее переполняет восторг: ей очень понравился роман «Метафизика труб», в ноябре две тысячи одиннадцатого года вышедший в Японии. Так что она с удовольствием задает мне вопросы. Я частенько понимаю ее без помощи Корин Кентэн и отвечаю на своем примитивном японском. Говорю почти исключительно о Нисийэ-сан, одном из основных персонажей этого романа. Если я не справляюсь, мне на помощь приходит Корин. Прислушиваюсь, чтобы запомнить, и иногда сталкиваюсь с неожиданностями. Для того чтобы перевести, как я тоскую по своим юным годам, проведенным в Кансае, Корин, вместо прилагательного «нацукасии», которое я считаю одним из наиболее символических японских слов, произносит «ностальгический».

После интервью, в такси, которое везет нас в заказанный издателем ресторан, пытаюсь прояснить с Корин этот вопрос.

– «Нацукасии» означает счастливую, сладкую ностальгию, – отвечает она, – момент, когда приятное воспоминание приходит на память и наполняет ее нежностью. Ваше лицо и голос выдавали печаль; значит, речь шла о грустной ностальгии, а это не японское понятие.

Отвечая на мой вопрос о том, является ли прустовская мадленка ностальгической или *нацукасии*, Корин выбирает второе. Выходит, Пруст автор японский.

В ресторане нас четверо: издатель, Корин, переводчица книги и я. Знакомлюсь с переводчицей: что за поразительная женщина! Ничто не предвещало этой стюардессе Японских авиалиний, что она переведет литературный текст.

– К двадцати восьми годам, когда я уже не могла летать с японской авиакомпанией, я чудом нашла место стюардессы Австрийских авиалиний. Мне пришлось поселиться в Вене, где мои познания в немецком языке, полученные в лицее, оказались нелишними. В две тысячи первом году в австрийской газете меня заинтриговала статья, посвященная бельгийской романистке. Я раздобыла ваши книги в немецком переводе и увлеклась ими. Самой любимой стала «Метафизика труб». И вот я узнаю, что после «Страха и трепета» японский издатель больше не решает вас печатать. – Она поворачивается к заинтересованному лицу. – Тогда я вступаю в переписку с вами и после долгих переговоров через Интернет уговариваю вас опубликовать «Метафизику труб». Вы поставили единственное условие, самое неоригинальное: чтобы именно я перевела роман на японский язык. «Но я не знаю ни слова по-французски», – сказала я вам. «Совершенно не важно, – ответили вы. – Только вы обладаете градусом страсти, необходимым для этой работы. Если надо, работайте хоть десять лет». Я поймала вас на слове. Спустя пять лет я достаточно хорошо овладела французским языком; следующих пяти как раз хватило, чтобы сделать литературный перевод «Метафизики труб».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.